

ВИДАДИ БАБАНЛЫ

ТРИ НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Перевод Эльмиры АХУНДОВОЙ

У меня в жизни было всего три встречи с этим Человеком – выдающейся личностью, основоположником и первостроителем нашей государственной независимости. Однако эти встречи навсегда запечатлелись в моей памяти.

Первая состоялась в жаркие дни конца августа 1982 года. В один из душных, изнурительных вечеров мне позвонили из Отдела культуры Центрального Комитета Компартии Азербайджана. Незнакомый мне партийный функционер, представившись, сообщил, что завтра я должен выехать в Бардинский район, где под руководством Гейдара Алиева состоится совещание в связи с началом сезона сбора хлопка. Я несколько замаялся. Где я, а где совещание по хлопководству! Мне вспомнилось, что подобные совещания уже не раз проводились в хлопководческих районах, и на эти мероприятия, а также для встреч с колхозниками приглашались представители творческих союзов. Я ничего не сказал. А замешательство сменилось внутренним напряжением. Дело в том, что дома у меня был тяжелобольной. Я должен бы отвезти его в больницу, заняться лечением. Почувствовав мои сомнения, ответработник пояснил:

– Ехать следует непременно. Ваше имя в список участников включил лично Гейдар Алиевич. Просим вас быть завтра к десяти часам вечера в «Депутатской комнате» железнодорожного вокзала.

На следующий день в условленный час, в специально оборудованном, просторном и красивом зале вокзала, именуемом «Депутатской комнатой», собрались все участники будущего совещания. Среди художников, композиторов, журналистов, фотокорреспондентов, работников радио и телевидения было немало знакомых мне лиц. В том числе и мой студенческий товарищ, писатель-публицист Нуреддин Бабаев. Значит, из нашего «сословия» нас на сей раз двое. Это меня немного успокоило.

Гейдар Алиев подъехал в 11 часам вечера. Несколько бледное лицо выдавало усталость. Наверное, проводил какое-то важное совещание или заседание Бюро. Войдя в зал, он сразу же заулыбался. Приятная улыбка, осветив усталое лицо, не смогла стереть до конца следы дневного напряжения. Пройдя вперед, он поздоровался со всеми сразу и тут же попросил извинить его за опоздание. А потом, переведя дух, предложил выйти на открытый воздух.

– Как вы думаете, может, выйдем на перрон? Здесь работает кондиционер, и все же там воздух почище, чем здесь, – сказал он. – Голос также явственно выдавал общую усталость.

Снаружи действительно стояла приятная погода. Дул легкий ветерок. Дневная жара наконец немного спала. К тому же перрон основательно вымыли, асфальтовое покрытие было еще влажным, и это также смягчило жару...

Мы окружили Гейдара Алирза оглу на просторном перроне. Он подал руку и лично поздоровался с каждым, пройдя вдоль ряда собравшихся до самого конца. Подойдя ко мне, замедлил шаг. Внимательно всмотрелся в лицо. Полушутя-полусерьезно упрекнул меня:

– Ты чего нас избегаешь? Я тебя на мероприятиях редко вижу. Приглашения не посылают или тебе твое время дорого?

Я промолчал, так как на самом деле был немного обижен. Еще до того, как Гейдар Алиев был избран Первым секретарем Центрального Комитета Компартии Азербайджана (как говорят сегодня, главой), некоторые высокопоставленные функционеры довольно долго держали меня за закрытыми дверями. Да и после его избрания не слишком привечали.

Гейдар Алиев не стал вникать в причину моего молчания. То ли от нехватки времени, то ли по другой причине он повернулся и обратился к следующим товарищам. В конце он пожелал всем доброй ночи и хорошего отдыха. А сам неторопливым, размашистым шагом направился к своему вагону спецпоезда.

Спецпоезд состоял всего из трех вагонов. Нас разместили в последнем вагоне. Все здесь радовало глаз: чистота, порядок, новенькое оборудование. В вагоне было прохладно, работали кондиционеры. Белоснежное, отглаженное и накрахмаленное постельное белье навевало сладкий сон. Мы с Нуреддином Бабаевым попали в одно купе. Он сказал мне, что днем очень устал, было много беготни. Поэтому, как только лег на полку, сразу засопел. Я же был, как говорится, «ночной птицей». Привык к бессоннице. Из-за неблагоприятных жилищных условий работать мог только по ночам, когда засыпали дети и вокруг воцарялась относительная тишина. Поэтому рассвет нередко встречал бодрствующим. Так что даже уютная и спокойная обстановка вагона еще долго не могла навевать мне дремоту...

* * *

Мы прибыли в Евлах на рассвете. Вокзал был празднично украшен. Несмотря на раннее утро, учителя и школьники, ответственные работники района и сотрудники различных учреждений вышли встречать руководителя республики. В руках детей были яркие букеты цветов, которые они должны были преподнести Гейдару Алиеву в знак всенародной любви.

Как только Гейдар Алиев показался на ступеньках своего вагона, ряды дрогнули. Ребятишки с цветами пришли в движение. Подталкивая друг друга, они окружили Гейдара Алиева. По очереди преподнесли ему свои подарки. Он поцеловал самых маленьких, других погладил по голове. Вслед за детьми к руководителю страны поспешили главы районных организаций, аксакалы и учителя.

Гейдар Алиев явно не хотел продлевать пышность встречи. Коротко поздоровавшись со всеми, дал указание продолжить путь. Мы сели в закрепленные за нами машины – «Чайки», «Волги», «Газ-51» и «Жигули». Утреннюю тишину нарушил рев десятка моторов...

Неподалеку от въезда в Бардинский район, в каком-то живописном местечке караван машин остановился. Под шатром густых развесистых деревьев были рядами выставлены столы, на которых громоздились горы фруктов и минеральной воды.

Нас пригласили к завтраку. Мы утолили голод и жажду и через 15-20 минут вновь сели в машины.

В тот день до самого вечера мы объезжали хлопковые плантации пяти колхозов. Встречались с передовыми хлопкоробами. Интересовались тем, как идет сбор хлопка, какие есть проблемы. Писатели делали заметки в блокнотах, фотокорреспонденты – снимки. Журналисты брали интервью. Художники набрасывали эскизы. Даже композиторы что-то писали в своих нотных тетрадах.

Гейдар Алиев везде шел впереди нас. Не обращая внимания на пыль, которая садилась на его костюм, раздвигая хлопковые кусты, он шел вглубь плантаций, встречался с хлопкоробами, расспрашивал их о положении дел, решал на месте возникающие проблемы. А порой, не удовлетворившись разговорами, надевал фартук и сам занимался сбором хлопка. Таким образом он смягчал общую атмосферу и налаживал мосты для искреннего, доверительного общения.

После знакомства с участком под шатром каждой бригады начиналось своеобразное полевое совещание. И ходом этого совещания непосредственно руководил Гейдар Алиев. Он так строил свою беседу с колхозниками, что уже не было необходимости во вмешательстве местных властей для каких-либо пояснений. Бригадир, звеньевые или просто рядовые труженики выходили вперед и излагали свои соображения по существу дела. А в конце выступления, как правило, брали добровольные обязательства перевыполнить план на несколько процентов.

Довольный их трудовым энтузиазмом, Гейдар Алиев в конце произносил пламенную заключительную речь. Призывал людей работать с еще большей отдачей, собрать урожай без потерь и в намеченные сроки, желал им успеха, вдохновлял на новые победы. В тот день на полях царила удивительно доброжелательная и вместе с тем деловая атмосфера. На меня общение Гейдара Алиева с тружениками села произвело большое впечатление.

Обедали мы в районном центре. К тому времени уже наступили сумерки, становилось темно. Второпях ознакомившись с достопримечательностями древней Барды, мы поспешили в Дом культуры – на зональное совещание. Свободных мест не было, так как в зале собрались руководящие работники соседних хлопкосеющих районов, а также передовики производства – бригадир, звеньевые и пр. Совещание прошло очень оживленно. Выступления следовали одно за другим. Большинство ораторов говорили о недостатках, мешающих выполнению плана, особенно о материально-технических проблемах. В заключение Гейдар Алиев вновь выступил с обширной, содержательной речью. Тех, кто дремал, устав от однообразных речей, буквально разбудил его бодрый энергичный голос.

Он обстоятельно проанализировал проделанную работу, отметил успехи и достижения того или иного района. Однако не прошел и мимо допущенных недостатков.

Вернулись мы в Евлах глубокой ночью. Заснули, как убитые, в прохладном уютном вагоне и открыли глаза уже в Али-Байрамлы.

Поднялись снова на рассвете, когда горизонт едва окрасился багрянцем. Заночевавший над Муганской степью туман медленно поднимался вверх. На луга пала серебряная роса. А наш путь лежал в Сабирабад...

Здесь уже не было повторения пышной встречи в Барде. Во всяком случае, никто из местных жителей нас особо не привечал. Наверное, таким было указание сверху. Мы сразу отправились на плантации. Надо заметить, что сабирабадцы вырастили отменный урожай хлопка. Женщины-хлопкоробы уже с рассвета были на своих участках...

Здесь тоже все шло по программе: мы опять побывали в пяти крупных хлопководческих колхозах, снова встречи, обмен мнениями, совещания. Не знающий устал Гейдар Алиев произнес много речей, вдохновляя и поощряя тружеников на новые победы. Во всех пяти колхозах, которые мы в тот день посетили, нас поразила атмосфера подлинного энтузиазма. Однако зональное совещание не походило на вчерашнее. В самом начале мероприятия Гейдар Алиев казался чем-то расстроенным. Он сразу повернул заседание в критическое русло. Раскритиковал председателей колхозов, руководителей районов за неудовлетворительную организацию сбора хлопка, за случаи недисциплинированности, халатности. Он, например, говорил о том, что с таким трудом выращенная продукция валяется на земле, покрываясь пылью, смешиваясь с грязью. Он называл это настоящим вредительством. А когда глава района что-то хотел сказать в свое оправдание, он сердито оборвал его: «Ты не справишься со своими обязанностями. Я очень недоволен твоей работой». Эти суровые упреки буквально потрясли главу района. До такой степени, что он побледнел, потерял равновесие и едва не упал с трибуны. Гейдар Алиев сразу же разрядил обстановку, сменив гнев на милость и даже пошутив с бедолагой.

После напряженных часов совещания нас пригласили на чай в отдельной комнате. Гейдар Алиев сидел в глубоком кресле, свесив обе руки вниз и склонив голову на правое плечо. На его почерневшем от солнца лице, в прищуренных глазах читалась безмерная усталость. Нелегкое ведь это дело – он уже двое суток работал и говорил без перерыва. При виде нас выпрямился и весело сказал:

– Ну что, друзья, вы, кажется, очень устали. Если вы устали, то представьте на мгновение мое состояние. Признаюсь, я совсем обессилел. Иначе встретил бы вас стоя.

Нуреддин Бабаев ответил быстрее всех, с речистостью настоящего учителя:

– Понятно, почему вы так устали, Гейдар-муаллим, вы два дня трудитесь без устали. Общаетесь с людьми. На каждой встрече произносите убедительные речи, очень содержательные и глубокие. Я ведь, кроме писательства, еще и учитель. Читаю в университете лекции. И по своему опыту знаю, как изнуряет человека долгий разговор. К тому же мы, преподаватели, проводим лекции в аудиториях, закрытых помещениях. А вы – на открытом воздухе, под палящими лучами солнца, в окружении трудящихся ведете понятную всем беседу. Тут, конечно, устанешь...

Эти искренние слова вызвали у всех улыбку. И подняли Гейдару Алиеву настроение. Он поблагодарил Нуреддина Бабаева, выпрямился в кресле. Приподнял руки с подлокотников и скрестил их на груди. А затем бодрым голосом неторопливо перешел к сути дела:

– Уже полночь, времени у нас совсем мало. Перейдем к основному вопросу. Позвал я вас сюда для того, чтобы вы поделились со мной впечатлениями от поездки. Что вы увидели? Что услышали? Чему стали свидетелями? Мне это все очень интересно. Вы люди творческие, с ясным умом. Глаза у вас острые, наблюдения меткие. Прошу вас, не стесняйтесь, поделитесь своими наблюдениями.

И вновь вперед вышел Нуреддин Бабаев. Он был очеркистом. По заданию редакций газет и журналов часто посещал колхозы, промышленные предприятия. Затем писал очерки, статьи, репортажи. Так что в хозяйственных делах в определенной степени разбирался. Нуреддин сказал о том, что увиденные им хлопкоробы преданы своему делу, хорошо разбираются в профессии и питают к Гейдару Алиеву огромную любовь. Затем своими впечатлениями поделились другие участники поездки. В конце Гейдар Алиев посмотрел на меня. Я поднялся на ноги. По своему обыкновению, не смог произнести никаких пышных фраз, сказать что-то восторженное. Просто поделился некоторыми наблюдениями. Обратил, в частности, внимание на инцидент, произошедший на последнем зональном совещании. Вспомнил ситуацию, в которой оказался первый секретарь райкома. И то, как мастерски сумел Гейдар Алиев вывести этого секретаря из состояния психологического стресса. Я отметил это, как наиболее запомнившийся мне позитивный пример.

Не знаю, какое впечатление произвели на Гейдара Алиева мои слова. Сам я, честно говоря, находился в ожидании продолжения нашего разговора на бакинском вокзале, оставшегося неоконченным. Однако продолжения не последовало. Может, он посчитал его неуместным в данной обстановке.

...Через пять-шесть дней после возвращения из поездки на основе увиденного я написал большой очерк и опубликовал его в главной газете республики – «Коммунист».

* * *

...Вторая наша встреча состоялась три года спустя в Москве, в Кремлевском Дворце съездов. В то время Гейдар Алиев уже не работал в Азербайджане, и должность у него была еще выше. Его избрали членом Политбюро ЦК КПСС и назначили первым заместителем Председателя Совета Министров СССР.

В величественном Дворце съездов вот уже два дня как проходил съезд писателей РСФСР. Члены Политбюро участвовали в мероприятии. Гейдар Алиев в их числе находился в президиуме. Внимательно слушал порой резкие, порой спорные выступления писателей. Я присутствовал на съезде как представитель азербайджанских писателей.

Места во дворце были распределены согласно алфавиту. Поэтому сидел я впереди – в середине второго ряда – и отчетливо видел со своего места Гейдара Алиева. Я испытывал чувство гордости. Да и было от чего: выдающийся сын маленькой по территории республики был в одном ряду с самыми влиятельными руководителями огромной страны. По-моему, Гейдар Алиев тоже меня заметил. Он порой оборачивался и смотрел в мою сторону.

Утреннее заседание закончилось примерно в два часа. А после вечернего заседания все члены Политбюро отчего-то торопливо покинули президиум. Лишь Гейдар Алиев замедлил шаг. Обернувшись, вновь посмотрел в мою сторону. Я нерешительно, издали поздоровался с ним. Он приветливо улыбнулся и рукой позвал меня к себе. Только я сделал два-три шага навстречу, как путь мне преградили двое плечистых парней в гражданской одежде. Я понял, что это сотрудники охраны. В тот же миг послышался окрик Гейдара Алиева, обратившегося к ним по-русски:

– Пропустите его!

Охранники сразу попятнулись назад. Освободили мне место для прохода. Я прошел вперед, а Гейдар Алиев спустился на несколько ступенек вниз. Пожали друг другу руки, и он начал участливо меня расспрашивать:

– Ну как ты? Что делаешь?

Я смущенно ответил:

– Спасибо большое, неплохо.

По-видимому, я был не подготовлен к такой искренней беседе. Даже голос в какой-то момент дрогнул. Гейдар Алиев, конечно, почувствовал мое смущение. Как истинный политик, он обладал обостренным зрением и чувствами. Поэтому направил разговор в свободное русло:

– Чем заняты твои коллеги-писатели? Как идут ваши дела?

– Все в порядке, – ответил я. – Все передают вам большой привет.

По чуть похолодевшему взгляду Гейдара Алиев понял, что он остался недоволен моими ответами. Да и мне самому мои ответы не понравились. Слова будто тащили из меня клещами. Что поделаться, если, в отличие от некоторых своих собратьев по писательскому цеху, я так и не научился лезть на глаза сильным мира сего, ментально налаживать теплые, доверительные отношения. В этом смысле мой язык никогда не приходил мне на помощь. Однако, несмотря на изменившееся выражение лица, тональность голоса Гейдара Алиева оставалась по-прежнему мягкой и ласковой.

– Ну хорошо, может, у тебя есть какая-то просьба? – спросил он.

Просьба, конечно, была. Жилищные условия нашей семьи были невыносимыми (они и сегодня оставляют желать лучшего). Я неоднократно обращался с письмами, заявлениями в соответствующие органы. Даже отправлял телеграммы на самый верх. Однако положительного ответа так и не получил.

И вот теперь у меня появился прекрасный шанс решить проблему. Но вот задача... у меня будто в горле пересохло.

Не потому, что я стеснялся или опасался чего-то. Просто не хотелось говорить о личных делах во время разговора «на ходу».

Гейдар Алиев не стал меня больше расспрашивать. Вытащил из кармана визитную карточку и протянул ее мне.

– Возьми, – сказал он, – если захочешь прийти ко мне, позвони. К телефону подойдет мой помощник. Скажешь ему, что я сам тебя вызвал.

Я с благодарностью взял карту. Мы снова обменялись рукопожатиями. Он сердечно попрощался со мной и ушел. А я еще долго стоял на месте, с изумлением глядя ему вслед...

На следующий день я позвонил по указанному номеру, уже внутренне подготовившись к предстоящему разговору. Основательно обдумал, что и как буду говорить. Трубку взял помощник. Выслушав меня, вежливо ответил, что Гейдар Алиевич отправился в командировку по очень важному вопросу. Вернется к концу недели. Я расстроился. Ожидать в Москве конца недели у меня не было возможности. Съезд уже завершал свою работу. И билеты на обратную дорогу всем делегатам были розданы. Если останусь в гостинице еще на несколько дней, вынужден буду платить за проживание из своего кармана. А я поиздержался в столице – купил обновки детям, запаса продуктами, которых не было в Баку. В общем, решил не дожидаться. Подумал, что позвоню попозже, из Баку. С этой надеждой и вернулся домой. После несколько раз пытался связаться с приемной Гейдара Алиева, говорил с помощником. Но наш разговор так и не состоялся...

* * *

И снова прошли годы. Рухнула советская система. Союз социалистических республик распался. Мы обрели независимость. Как говорил поэт злосчастной судьбы Мухаммед Хады, мы поставили свою подпись в ряду других весомых и важных подписей народов мира. Однако наша радость продолжалась недолго. Внутренние и внешние враги создали нам серьезные проблемы. Начались распри между властью и оппозицией, различные партии и группировки принялись перетягивать канат на себя. Воспользовавшись этим, враг начал опустошать наши села и города, которые почти без сопротивления сдавались вооруженным армянским формированиям. Мы уже ни на что не надеялись, потеряв веру даже во Всевышнего. Народ остро ощутил потребность в умном, волевом, обладающем богатым политическим опытом руководителе, который мог бы возглавить страну. И взоры всей нации обратились к Нахчывану, Верховным Меджлисом которого руководил Гейдар Алиев.

Вышедший из состава Политбюро, вернувшийся из Москвы, этот мудрый, обладающий колоссальным интеллектом человек отправился в Нахчыван, где за короткий срок завоевал большое доверие у народа, с которым наладил живое, искреннее общение. Это доверие и вознесло его вновь на вершину власти.

А «фронтовики» в самый напряженный и непредсказуемый момент были вынуждены обратиться к нему за помощью. Отправили в Нахчыван «просителей» из числа известных представителей интеллигенции, посылали за ним самолет. В конце концов получили согласие. Гейдар Алиев прибыл в Баку. Сперва был избран Председателем Верховного Совета, а после того, как Абульфаз Эльчибей обосновался в Келеки, Милли Меджлис передал Гейдару Алиеву президентские полномочия. Руль государственного управления оказался в надежных руках. В беспокойном, растревоженном внутренними распрями обществе постепенно восстановилась стабильность. Хотя положение на фронте, в местах кровавых боевых столкновений все еще оставалось тяжелым. Однажды вечером по телевидению показали очень впечатляющий, волнующий репортаж. Диктор сообщила, что некая пожилая женщина с оружием в руках отправляется на фронт. Ее единственный сын героически погиб в боях за родину. И вот теперь мать, надев солдатскую форму сына, идет на фронт, чтобы отомстить за его кровь.

Это событие меня крайне тронуло, просто до слез. Некоторое время я находился в состоянии душевного волнения. А потом в голове родился замысел повести «Мечь матери», и я тут же взялся за перо. Работал день и ночь. Через пару месяцев

повесть была закончена. Первое крупное произведение в нашей литературе о гарабахской войне, эта повесть была частями опубликована в самой читаемой газете того времени «Сяхяр» («Утро») и вызвала широкий интерес у читателей.

На следующий день по окончании публикации повести в газете мне позвонил директор и художественный руководитель Национального академического драматического театра, талантливый актер Гасанага Турабов, и попросил прислать рукопись повести «Мечь матери»: «Я не сумел до конца прочитать повесть в газете, – сказал он. – Однако коллеги мои прочитали. Повесть особенно запала в душу Лейле ханым (*Народная артистка Азербайджана Лейла Бедирбейли – В.Б.*). Она мечтает воплотить на сцене героический образ матери, заменившей сына на поле боя. Прошу, пришлите мне повесть, я ее почитаю. И подумаем над ее инсценировкой».

Конечно, я отправил Турабову экземпляр повести. Он прочитал ее за два-три дня и вызвал меня в театр. Определил мне в качестве консультанта режиссера Бахрама Османова. За лето пьеса была готова. Она прошла через художественный совет, и начались репетиции под руководством Османова.

Постановку завершили в течение месяца. После внутреннего просмотра Турабов, взяв меня под руку, повел в свой служебный кабинет. Хитро прищурился по своему обыкновению и сказал: «Постановка получилась неплохая. Верю, что и общественность примет ее тепло. А ты знаешь, что сделай: бери трубку моего официального телефона и звони напрямую господину Президенту. Приглашай его на премьеру. Он тебя знает и не откажет в просьбе».

Меня взяло сомнение. Не будет ли это выглядеть неэтичным? И потом, неужели Гейдар Алиев сможет прийти на представление в столь напряженное для республики время, когда проблем у него выше головы? Но Турабов всерьез настаивал: «Послушай меня! Ну что тебе стоит, ты же не делаешь ничего предвзятого. Написал произведение на важнейшую тему, на злобу дня. Отообразил, так сказать, смертельную схватку за Гарабах. А мы, в свою очередь, успешно воплотили твой замысел на сцене. Мне кажется, что это приглашение придется господину Президенту по душе. И хотя государственных дел у него действительно выше крыши, он найдет для этого время. Он очень любит театр».

Я продолжал колебаться. Молча пожал плечами. Турабов обиделся: «Не говори лишнего, просто сообщи о своей просьбе помощнику Президента. Говори от имени всего коллектива...»

И снова я не двинулся с места. А потом поведал причину, которая связывала мне руки.

– Понимаешь, боюсь, что мы вызовем его недовольство. Господин Президент может подумать, что в этот тяжелый, напряженный для республики час мы думаем о собственной славе. Что мы ожидаем от него некоего поощрения, премии.

Гасанага Турабов недовольно поморщился, покачал головой. Обиженно закричал. А потом заговорил с горячей убежденностью:

– Конечно, я сам могу пригласить господина Президента от имени нашего коллектива. Тут нет никакой проблемы. Однако твое обращение к нему, как автора, было бы более целесообразным.

Упорствовать далее было бессмысленно. Я подошел к телефону. Номер набрал сам Турабов. Помощник Президента узнал меня. И сказал, что непременно доведет мою просьбу до адресата. Мне почему-то в это мало поверилось.

Мы расстались с Турабовым, и я поехал домой. Только поставили передо мной стакан чая, как зазвонил телефон. Причем звонок был похож на звонок междугородней связи. Я ощутил волнение, с беспокойством поднял трубку.

Женский голос по ту сторону трубки произнес официальным тоном:

– С вами будет говорить помощник Президента. Пожалуйста, подождите немного.

Я подождал. На сердце сразу стало спокойно оттого, что я понял: этот звонок не предвещает плохой новости. Скорее, наоборот. Помощник поздоровался со мной и дал понять, что я буду говорить с господином Президентом.

– Вы пока положите трубку. Мы вам опять позвоним.

Опять ожидание. Опять звонок телефона. Тот же голос помощника в трубке.

– Видади-муаллим, будьте на связи, я сейчас соединю вас с господином Президентом.

Однако «соединение» растянулось надолго.

– Здравствуй, как поживаешь? – вдруг услышал я знакомый голос. – Говорят, ты мне звонил. Что за вопрос?

Я поблагодарил за внимание и повторил свою утреннюю просьбу. Наступила тишина. Гейдар Алиев задумчиво спросил:

– Когда состоится премьеры?

– 14 мая, – ответил я.

Он помолчал несколько мгновений, затем спросил:

– А почему выбрали именно эту дату?

Я ответил, что ничего не могу сказать по этому поводу. Наверное, так решило руководство театра вместе с Министерством культуры.

И вновь тишина. Голос Гейдара Алиев стал озабоченнее:

– В тот день у меня куча дел. Гости приедут из-за границы. Не знаю, получится ли. А вторая премьеры когда?

– Через два дня, 16-го, – сказал я.

В голосе Гейдара Алиева вдруг послышались бодрые нотки:

– Вот тогда я и приду, – сказал он. – Обязательно приду. У тебя ко мне еще что есть?

Его искренность развязала мне язык, я почувствовал себя увереннее.

– Да, господин Президент, я хотел бы с вами поговорить. Есть некоторые трудности...

Гейдар Алиев заторопился, оборвал меня.

– Ну вот и хорошо, у меня тоже есть, что тебе сказать. Приду, увидимся в театре, спокойно поговорим. До свидания! Товарищам от меня привет...

В трубке что-то щелкнуло. Связь прервалась. Я перевел дух и, радостный, позвонил Турабову. Гасанага закричал в трубку от восторга:

– Здорово! Ну, здорово! Ты меня просто окрылил этой новостью. Молодчина!

Потом, уже несколько успокоившись, добавил:

– Мы должны на второй премьеры выложиться до конца! Готовиться надо еще более тщательно, с большой ответственностью...

Мы оба ожидали того дня с великими надеждами. Однако... недаром же говорили отцы: человек предполагает, а Господь располагает. Мне опять не повезло. Случилась неожиданная трагедия. Внезапно скончался муж актрисы Лейлы ханым Бедирбейли, погиб в автокатастрофе. Понятно, что в таком состоянии Лейла ханым не могла выйти на сцену. Она и не вышла. В связи с тем, что не было дублера, спектакль отложили на сорок дней. А затем театр ушел на летние каникулы...

* * *

...Прошло еще два года. В Академическом драмтеатре проводили мой юбилей, отмечали 70-летие. В самый разгар вечера кто-то шепнул мне на ухо, что со мной хочет говорить господин Президент. Я поднялся с места и прошел за кулисы. Только поднес к уху трубку, как услышал ласковые интонации знакомого голоса. Поприветствовав меня, Гейдар Алиев стал извиняться:

– Прости, – сказал он, – мне поздно сообщили, и я не смог принять участие в твоём юбилее. Желаю тебе крепкого здоровья и новых творческих успехов! Пусть перо твоё будет ещё более острым!

Подобное внимание, забота о моей скромной персоне бесконечно растрогали меня. Какое приветливое, теплое отношение! И разве это только ко мне? Конечно же, нет. В начале своих заметок я писал, что Гейдар Алиев всегда относился к интеллигенции – к деятелям культуры, науки, искусства – с особой симпатией. Каждому оказывал государственную заботу в соответствии с уровнем таланта, общественным весом и популярностью. Если мы испытывали экономические трудности, материальные проблемы, он предоставлял нам президентские стипендии, как это было сделано в отношении меня. И это тоже было проявлением той самой заботы.

В этой связи мне вспомнился эпизод, который прекрасно характеризует его как истинного руководителя, а также его высокие человеческие качества. Немного отвлекусь, чтобы донести до читателя свою мысль.

...Стояли жаркие дни июля 1995 года. Мы собрались, чтобы почтить память очень талантливого писателя и редкую, цельную личность, моего друга Исмаила Шихлы. Величественный Дворец культуры имени Шахрияра не вмещал всех участников прощальной церемонии. Прощание началось позже запланированного срока. Все ожидали Гейдара Алиева. Он сам дал указание, чтобы прощание не начинали без него. В эти дни Президент Украины Леонид Кучма находился в Баку с официальным визитом. Похороны Исмаила Шихлы случайно совпали с церемонией проводов украинского президента. Гейдар Алиев вернулся из аэропорта около пяти часов вечера. Несмотря на усталость, встал в почетный караул. А затем произнес горячую речь. Выразил глубокое уважение к личности Исмаила Шихлы.

Честно говоря, я был поражен. Поражен широтой души этого выдающегося человека, его искренним отношением к ведущим представителям нашей интеллигенции. Будь на его месте кто-нибудь другой, он, вполне вероятно, не пришел бы на церемонию прощания. Под предлогом важного государственного мероприятия не стал бы себя дополнительно утруждать. Но тогда бы он не был Гейдаром Алиевым. Каждый его шаг, каждый поступок – это большой жизненный урок. И те, кто в состоянии постичь эти уроки, никогда не останутся в проигрыше.

Я мало общался с этим выдающимся человеком, но уроки, которые он мне преподал, постиг навсегда.

Да упокоится навеки душа его!

15 июня 2018 года